

Глава IX

Блондель

Когда соберется толпа, старик отвлекается от безмолвных окон (они и вправду безмолвны; а если из них выглядывает чье-то лицо, то это не его любимое лицо, о котором он думает днями и ночами, ночами и днями) и грустными, напряженными глазами оглядывает лица. А затем, прервав игру, он резко постукивает по скрипке и чистым, сильным голосом спрашивает, видел ли кто-то слепую девочку (или хотя бы слышал о ней): девочку с прекрасными каштановыми волосами, чистыми голубыми глазами и самым чудесным голосом на свете.

Никто и слыхом не слыхивал о такой девочке; один говорит ему о слепом негре, играющем на тромбоне, другой знает слепую женщину, которая предсказывает будущее «не хуже лучших медиумов», и так далее, и так далее. Он, терпеливо глядя на толпу, мотает головой, величественно кланяется и переходит на другую улицу, к другой удивляющейся толпе, к другому разочарованию. Иногда его зовёт к себе какой-нибудь владелец концертного зала, который слышит его игру и распознает хорошую музыку по звукам, и нанимает старого скрипача на вечер-другой, чтобы тот играл. Он идет с готовностью; ведь там никто не знает, куда смуглый незнакомец мог увести девочку, а там, где нет путеводного клубка, можно пойти по встречному следу.

И вот он сидит и играет, этот странный, старомодный человек, среди смеющейся, пляшущей, глупой толпы. Старый де Артене с Андроскогина - что бы сказал его предок, доблестный маркиз, приплывший в Америку с бароном Кастином, что бы сказал весь его род, идущий от самих крестоносцев, если бы они увидели своего потомка в подобном месте? Он всегда держался с достоинством, хотя он зарабатывал себе на хлеб игрой на скрипке, а зимой - шитьем обуви. Он сказал бы, что всегда держался в хорошей компании и скорее бы провел весь день, не взяв в рот ни крошки, чем заработал ужин среди людей, не считающихся с приличиями. Даже в этом месте люди как-то сразу чувствуют достоинство старика и никто не говорит с ним грубо; а голоса людей даже затихают, когда они проходят мимо него, в серьезной позе сидящего на стуле - его волшебный смычок летит по струнам, его нога постукивает в такт музыке. Он играет все старые мелодии - «Манимаск», «Портлендскую фантазию», «Деву озера». А теперь он переходит к «Хоровой джиге», но никто здесь не знает, как её танцевать, и он возвращается к более простым мелодиям.

Он играет, и это пестрое, безвкусное место исчезает из глаз старика и вместо вульгарного света газовых рожков он видит мягкое сияние полуденного солнца на деревенской дороге и изящные вязы, согнувшиеся, образуя арку - они словно наблюдают за танцем Мелоди. Стройная фигурка легко покачивается вправо-влево, словно колышемая ветром, тонкое лицо сияет от счастья, развеваются завитки волос - самых прекрасных волос в мире; затем он видит милых, скромных жителей деревни, сидящих у дороги и, затаив дыхание, с интересом глядящих на его любимицу, их любимицу, цветок всей деревни; осанистую, высокую фигуру мисс Весты в дверях; увитое виноградом окно, за которым лежит Реджойс - её не видно, но она разделяет эту милую, простую радость, и её сердце наполняется наслаждением. Все это видит старый скрипач, словно эти картины стоят перед ним.

— Завтра больше повезет, мисс Веста! Завтра больше повезет! Есть Тот, Кто в ответе за нее, и сегодня наши усилия Ему не понадобились; вот и всё, дорогая моя.»

Да поможет тебе Бог, де Артене! Да подаст Он тебе легкий путь и благополучие, Розин-Красавчик!

Но разве не подходит ему другое имя - причем подходит даже больше, чем его фантастическое прозвище? Разве он не Блондель, верный, терпеливый, неустрашимый, странствующий по городам и селам, поющий свою песню о любви, надежде и неумирающей преданности под каждым окном, пока однажды, словно дыхание рая, она не долетит до ушей узника, сидящего «во тьме и тени смертной»?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/119049/4808618>